

УДК 929

**«ЖИЗНЬ ГОСУДАРИЮ, ЧЕСТЬ – НИКОМУ»: НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР
ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА**

Шатерников А.И.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород,
e-mail: 1235586@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается жизненный путь русского врача, лейб-медика семьи Николая II Боткина Евгения Сергеевича. Боткин Е. С. начал свой врачебный путь в январе 1890 г. с должности врача-ассистента Марининской больницы для бедных. Несколько раз был командирован за границу для научных целей. Во время Русско-японской войны назначен заведующим медицинской частью Российского общества Красного Креста. Евгений Сергеевич был награжден орденами святого Владимира III и II степени с мечами. После назначен лейб-медиком царской семьи. В 1917 г., после падения монархии 2 марта, остался вместе с царской семьей в Царском Селе, а затем последовал за ней в ссылку. Был убит вместе со всей императорской семьей в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Ключевые слова: биография, Боткин Е.С., лейб-медик, царская семья

**«LIFE TO THE STATE, HONOR TO ANYBODY»: THE MORNING CHOICE OF
EVGENY SERGEYEVICH BOTKIN**

Shaternikov A.I.

Belgorod National Research University education department, Belgorod, e-mail: 1235586@bsu.edu.ru

The article examines the life path of the Russian doctor, the medical doctor of the family of Nikolai II Botkin Eugeny Sergeevich. Botkin Eugene S. began his medical journey in January 1890 with the post of assistant doctor at the Mariinsky Hospital for the Poor. Several times he was sent abroad for scientific purposes. During the Russo-Japanese War, he was appointed head of the medical section of the Russian Red Cross Society. Yevgeny Sergeevich was awarded the Order of St. Vladimir III and II degree with swords. After he was appointed a medical officer of the royal family. In 1917, after the fall of the monarchy on March 2 (15), he remained with the royal family in Tsarskoe Selo, and then followed her into exile. He was killed along with the entire imperial family in Yekaterinburg in the Ipatiev House on the night of July 16–17, 1918.

Keywords: biography, Botkin E.S., the Life Medic, the royal family

Очевидной тенденцией в современной интеллектуальной среде, включая ее молодежную составляющую, является поиск нравственных ценностей и ориентиров в рамках этического самоопределения. В контексте этого жизнь и смерть последнего российского лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина является примером альтруистической интеллигентности и духовной направляющей такого поиска.

Рис. 1. Боткин Евгений Сергеевич

Евгений Сергеевич Боткин родился 27 мая 1865 г. в Царском Селе (ныне г. Пушкин) в семье известного русского врача-терапевта, одного из корифеев отечественной терапевтической школы, основателя ее экспериментального направления Сергея Петровича Боткина. Он был четвертым ребенком Сергея Петровича от первого его брака с Анастасией Александровной Крыловой. Атмосфера в семье, домашнее воспитание, полученное в ней, сыграли большую роль в формировании личности Евгения Сергеевича. А духовная и бытовая атмосфера в этой семье была уникальной. Финансовое благополучие рода Боткиных было заложено предпринимательской деятельностью деда Евгения Сергеевича Петра Кононовича Боткина, известного российского поставщика чая. Процент от торгового оборота, предназначенный каждому из наследников, позволял выбирать им дело по душе, заниматься самообразованием и вести жизнь, не очень обремененную финансовыми заботами. Может быть, поэтому в роду Боткиных так много творческих личностей. Боткины состояли в родстве с Афанасием Фетом, меценатом Павлом Третьяковым [3].

В семье много музицировали, Сергей Петрович играл на виолончели под аккомпанемент жены и под руководством профессора И.И. Зейферта. Таким образом, в детстве Евгений Сергеевич Боткин получил основательное музыкальное образование и приобрел тонкий музыкальный вкус.

Семья жила интересной насыщенной жизнью. На знаменитые Боткинские субботы собирался столичный бомонд: приходили профессора Военно-медицинской академии, писатели и музыканты, коллекционеры и художники. Среди них – И.М. Сеченов, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Бородин, В.В. Стасов, Н.М. Якубович. Общение с выдающимися людьми, вне всякого сомнения, оказало влияние на становление характера и формирование личности Евгения Сергеевича. Уже в детские годы в характере Евгения проявлялись такие качества, как скромность, доброе отношение к окружающим и неприятие насилия.

Начальное домашнее образование позволило Евгению Сергеевичу в 1878 г. поступить сразу в 5й класс 2й Петербургской классической гимназии, где проявились блестящие способности юноши в естественных науках. Поэтому после окончания гимназии в 1882 г. он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета (возможно, реализуя несостоявшуюся мечту отца о математике). Однако пример отца-врача и поклонение медицине оказались сильнее, и в 1883 г., сдав экзамены за первый курс университета, он поступил на младшее отделение открывшегося пригготовительного курса Военно-медицинской академии (ВМА).

В год смерти отца (1889) Евгений Сергеевич успешно окончил академию третьим в выпуске, был удостоен звания лекаря с отличием и именной Пальцевской премии, которую присуждали «третьему по старшинству баллов в своем курсе...».

Врачебный путь Е.С. Боткина начался в январе 1890 г. с должности врача-ассистента Мариинской больницы для бедных. В декабре 1890 г. на собственные средства он был командирован за границу для научных целей. Занимался у ведущих европейских ученых, знакомился с устройством берлинских больниц. По окончанииграничной командировки в 1892 г. Евгений Сергеевич приступил к работе врачом придворной капеллы, а с 1894 г. вернулся к исполнению врачебных обязанностей в Мариинской больнице [6].

Весной 1895 г. Е.С. Боткин командируется за границу и два года проводит в ме-

дицинских учреждениях Хайдельберга и Берлина, где слушает лекции и занимается практикой у ведущих немецких врачей – профессоров Г. Мунка, Б. Френкеля, П. Эрнста и других. Научные труды и отчеты заграничных командировок были опубликованы в «Больничной газете Боткина» и в «Трудах общества русских врачей». В мае 1897 г. Е.С. Боткин был избран приват-доцентом ВМА. С началом Русско-японской войны (1904) Евгений Сергеевич убыл в действующую армию добровольцем и был назначен заведующим медицинской частью Российского общества Красного Креста (РОКК) в Маньчжурской армии. Занимая достаточно высокую административную должность, он тем не менее предпочитал большую часть времени проводить на передовых позициях. Очевидцы рассказывали, что однажды на перевязку был доставлен раненый ротный фельдшер. Сделав все, что положено, Боткин взял сумку фельдшера и пошел на передовую. «За отличие, оказанное в делах против японцев», Евгений Сергеевич был награжден орденами святого Владимира III и II степени с мечами.

Внешне очень спокойный и волевой доктор Е.С. Боткин был человеком сентиментальным, с тонкой душевной организацией. Доктор Боткин 6 мая 1905 г. был назначен почетным лейб-медиком императорской семьи, о чем узнал, находясь еще в действующей армии. Осенью 1905 г. Евгений Сергеевич возвратился в Петербург и приступил к преподавательской работе в академии. В 1907 г. он был назначен главным врачом общины святого Георгия в столице.

В 1907 г. после смерти Густава Гирша царская семья осталась без лейб-медика. Кандидатура нового лейб-медика была названа самой императрицей, которая на вопрос, кого бы она хотела видеть лейб-медиком, ответила: «Боткина». Таким образом, 13 апреля 1908 г. Евгений Сергеевич Боткин стал лейб-медиком семьи последнего российского императора, повторив карьерный путь отца, бывшего лейб-медиком двух русских царей (Александра II и Александра III).

В обязанность лейб-медика входило лечение всех членов царской фамилии, что он тщательно и скрупулезно выполнял. Приходилось обследовать и лечить императора, обладавшего удивительно крепким здоровьем, великих княжон, переболевших, казалось, всеми известными детскими инфекциями.

Николай II с большой симпатией и доверием относился к своему доктору. Он тер-

пеливо выдерживал все лечебно-диагностические процедуры, назначаемые доктором Боткиным. Сам Евгений Сергеевич также искренне привязался к членам царской семьи, не раз говоря домочадцам: «Своей добротой они сделали меня рабом до конца дней моих» [5].

Сам Евгений Сергеевич был далек от политики, однако, как человек неравнодушный, как патриот своей страны, он не мог не видеть пагубности общественных настроений в ней, которые считал основной причиной поражения России в войне 1904—1905 гг. Он очень хорошо понимал, что ненависть к царю, к императорской фамилии, разжигаемая радикальными революционными кругами, выгодна лишь врагам России, той России, которой служили его предки, за которую он сам сражался на полях Русско-японской войны, России, вступавшей в жесточайшую и кровавую мировую схватку.

Рис. 2. Боткин Евгений Сергеевич с семьей

Семейная жизнь Евгения Сергеевича не была гладкой. Увлечшись модными революционными идеями и молодым (на 20 лет моложе) студентом Рижского политехнического техникума, в 1910 г. от него уходит жена Ольга Владимировна. На попечении доктора Боткина остаются трое младших детей: Дмитрий, Татьяна и Глеб (старший, Юрий, жил уже отдельно). Но от отчаяния спасали дети, беззаветно любившие и обожавшие отца, всегда ждавшие с нетерпением его прихода, тревожащиеся при его длительном отсутствии. Евгений Сергеевич отвечал им тем же, однако ни разу не воспользовался своим особым положением для создания им каких-то особых условий. Внутренние убеждения не позволили ему замолвить слово за сына Дмитрия, хорун-

жего лейб-гвардии казачьего полка, который с началом войны 1914 г. ушел на фронт и героически погиб 3 декабря 1914 г., прикрывая отход разведывательного казачьего дозора. Гибель сына, посмертно награжденного за героизм Георгиевским крестом IV степени, стала до конца дней незаживающей душевной раной отца.

А вскоре в России произошло событие по масштабам более фатальное и губительное, чем личная драма. В феврале 1917 г. в России было свергнуто самодержавие, рухнули не только государственные институты и устои, деформировалось и само народное сознание. После февральского переворота императрица с детьми новыми властями были заключены в Александровском дворце Царского Села, чуть позже к ним присоединился бывший самодержец. Всем из окружения бывших правителей было предложено на выбор либо остаться с узниками и, возможно, разделить с ними их участь, либо оставить их. И многие, еще вчера клявшиеся в вечной верности императору и его семье, оставили их в это трудное время, многие, но не такие, как лейб-медик Боткин. Это при том, что будущность царской семьи была неопределенной и довольно мрачной. Царь и царица были обвинены в государственной измене, и по этому делу шло следствие [1].

Обвинение бывшего царя и его супруги не нашло подтверждения, однако Временное правительство ощущало страх перед ними и не пошло на их освобождение, было принято решение о направлении царской семьи в Тобольск. В ночь с 31 июля на 1 августа 1917 г. семья направилась поездом в Тюмень. И на этот раз свите предлагалось покинуть семью бывшего императора, и опять нашлись те, кто сделал это. Но немногие сочли долгом разделить участь бывших царствующих особ. Среди них Евгений Сергеевич Боткин. На вопрос царя, как же он оставит детей (Татьяну и Глеба), доктор ответил, что для него нет ничего выше, чем забота об Их Величествах. 3 августа изгнанники прибыли в Тюмень, оттуда 4 августа пароходом – в Тобольск. В Тобольске предписывалось соблюдать царскосельский режим, то есть никого не выпускали за пределы отведенных помещений, кроме доктора Боткина, которому разрешалось оказывать медицинскую помощь населению.

При отправке из Царского Села в Тобольск по распоряжению А.Ф. Керенского доктор Е.С. Боткин был назначен состоять

при Их Величествах. В Тобольске в доме купца Корнилова у Боткина было две комнаты, в которых он мог проводить прием больных из местного населения и солдат охраны. 14 сентября 1917 г. в Тобольск прибыли дочь Татьяна и сын Глеб, разместившись в комнатах, отведенных их отцу. В апреле 1918 г. в Тобольск прибыл близкий друг Я.М. Свердлова комиссар В. Яковлев, который сразу же объявил врачей также арестованными. Однако вследствие неразберихи ограниченным в свободе передвижений оказался только доктор Боткин [2, 4].

В ночь с 25 на 26 апреля 1918 г. бывший царь с женой и дочерью Марией, князь Долгоруков, Анна Демидова и доктор Боткин под конвоем отряда особого назначения уже нового состава под руководством Яковлева были направлены в Екатеринбург. 20 мая туда прибыли остальные члены царской семьи и кое-кто из свиты. Дети Евгения Сергеевича остались в Тобольске. Режим содержания в доме особого назначения (особняк инженера Н.К. Ипатьева), где были размещены царская семья и ее преданные слуги, разительно отличался от режима в Тобольске. Но и здесь Е.С. Боткин пользовался доверием солдат охраны, которым он оказывал медицинскую помощь. Через него шло сношение венценосных узников с комендантом дома. Доктор ходатайствовал о прогулках для узников, о допуске к Алексею его преподавателя и воспитателя, всячески старался облегчить режим содержания. Поэтому его имя все чаще встречается в последних дневниковых записях Николая II.

Иоганн Мейер, австрийский солдат, попавший в русский плен в годы Первой мировой войны и перешедший на сторону большевиков в Екатеринбурге, написал воспоминания «Как погибла царская семья». В книге он сообщает о сделанном большевиками предложении доктору Боткину оставить царскую семью и выбрать себе место работы, например, где-нибудь в московской клинике. Таким образом, один из всех заключенных дома особого назначения точно знал о скорой казни. Знал и, имея возможность выбора, предпочел спасению верность присяге, данной когда-то царю. Вот как это описывает И. Мейер: «Видите ли, я дал царю честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить наследника одного. Как могу я это совместить со своей

совестью? Вы все должны это понять», – сказал врач».

В половине второго ночи 17 июля 1918 г. обитателей дома разбудил комендант Юровский и под предлогом перевода в безопасное место отдал команду всем спуститься в подвальное помещение. Здесь он объявил решение Уральского совета о казни царской семьи. Самый высокий из всех и стоявший сзади Николая и рядом с сидевшим на стуле Алексеем доктор Боткин скорее машинально, чем удивленно, сказал: «Значит, нас никуда не повезут». А после этого раздались выстрелы. Забыв распределение ролей, убийцы открыли огонь только по императору. Двумя пулями, пролетевшими мимо царя, доктор Боткин был ранен в живот (одна пуля достигла поясничного отдела позвоночника, другая застряла в мягких тканях тазовой области). Третья пуля повредила оба коленных сустава доктора, шагнувшего в сторону царя и царевича. Он упал. После первых залпов убийцы добивали свои жертвы. По словам Юровского, доктор Боткин был еще жив и спокойно лежал на боку, как будто заснул. «Выстрелом в голову я прикончил его», – писал позднее Юровский.

Останки, найденные в окрестностях Екатеринбурга (Ганина яма в урочище Четыре Брата), в 1991 г. были извлечены и перезахоронены только в 1998 г. Однако результаты их генетической экспертизы не признаются бесспорными и никто из потомков с просьбой о ее проведении не обращался. Поэтому говорить о том, что прах Евгения Сергеевича Боткина наконец-то обрел покой, пока не приходится [5].

Последний лейб-медик последнего русского императора Евгений Сергеевич Боткин служил медицине и людям на грани поклонения перед ними и отождествления их с культом, получившим простое определение: кодекс чести.

Список литературы

1. Аннинский Л.А., Соловьев В.Н. Охота на венценосца // Родина. – 2005. – № 1. – С. 60–68.
2. Боткин С.Д. Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 2. – С. 163–170.
3. Коростелев Н. Славная династия Боткиных // Врач. – 2005. – № 4. – С. 78–80.
4. Крылов А.Н. Выбор доктора Боткина // Москва. – 1998. – № 3. – С. 113–132.
5. Мельник (Боткина) Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. – М.: Анкор, 1993. – С. 11–12.
6. Нахапетов Б.А. Лейб-медики российских императоров // Вопр. истории. – 2000. – № 1. – С. 102–114.